

ЗВЁЗДНЫЙ ЗОВ

Что ж, Человек? – За рёвом стали,
В огне, в пороховом дыму
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?

Александр Блок, 1911 год.

Сначала откуда-то сверху донеслось протяжное звучание на высокой ноте, оно было как пение ветра в отдалённом ущелье. Звук постепенно сгустился, уходя в нижние регистры, и затих. Мгновенья падали в тишине – одно, второе, третье... – пока для их отсчёта не нашлась новая мелодия, и тогда послышался нарастающий перезвон капли – во время сезона дождей в лесах у подножия Великих гор так поёт вода, сбегая по ярусам могучих ветвей, над которыми во всё небо стоят радуги. Разноголосый, многократно отражённый эхом, этот перезвон заполнил простор под высоким сапфировым сводом поста управления, возвещая о том, что вращение звездолёта в четырёхмерной системе координат замедлилось до порогового уровня, и локус искривлённого пространства распрямляется, выпуская корабль в очередную, теперь уже последнюю на пути, точку космоса.

Голографические фигуры над индикаторным окном, за мгновение до того alertно вытянутые в форме голубоватых полупрозрачных сталагмитов, резко просели и теперь медленно растекались в горизонталь. Стройная рыжеволосая женщина в тёмно-синей тунике остановилась рядом с высоким сосредоточенно-неподвижным напарником, закутанном в длинную пурпурную накидку, и, дождавшись полного выравнивания пространственной метрики, включила обзор.

Купол, переборки и опалесцирующая палуба под ногами исчезли, пост управления повис среди знакомых звёзд. В тени, отбрасываемой огромным пылевым скоплением, они льдисто мерцали, в перспективе галактической плоскости сливаясь в обод гигантского колеса, и внешне почти незаметная близость одной из них сознанием скорого завершения пути согревала сердца космических скитальцев.

«Звёздный зов» – корабль планетной системы Гала – плавно разворачивался в направлении дома, до которого теперь оставалось всего четыре вахты пути. Двое звездолётчиков, стоя на невидимой поверхности, сосредоточенно созерцали, как вокруг них плывёт величественная картина открытого космоса. Сейчас они чем-то напоминали древних мастеров, которые только что завершили внутреннюю роспись храма и теперь отпускают своё творение в мир, и проплывающие звёзды отражались в их широко раскрытых глазах, казавшихся в космической ночи совершенно чёрными.

Поворот завершился, включились пространственные двигатели, корабль начал набирать скорость.

– Зорин, – так прозвучало бы его имя на привычном для нас языке, – тебя не отпускает пламя той планеты. Я слышу беспокойную скачку твоих мыслей, подобных сполохам огня в ненастье.

– Ты права, Дивна, слишком невероятно случившееся совпадение, – ответил тот, кого звали Зорин. – Но эта встреча изменила каждого из нас, и теперь я часто вижу печаль бессильного сострадания во взглядах товарищей.

Под сводом зазвучала мелодия полёта, а на противоположном краю поста управления, прямо на фоне созвездия Белой Птицы, показались фигуры сменщиков: командир и второй навигатор заступали на дежурство. Тогда мужчина сбросил накидку и подал руку напарнице, которая с готовностью шагнула навстречу, привлекаемая мягким и сильным движением. Танец властно влёл их за собой, помогая оставить в прошлом тревогу самого драматичного эпизода экспедиции.

Похожая на Галу планета, окутанная живительной азотно-кислородной атмосферой, была обнаружена экспедицией «Звёздного зова» в удалённом рукаве Галактики. Вновь открытый мир оказался обитаемым, но молчание радиозэфира и отсутствие искусственных спутников говорили о том, что найденная цивилизация пока не проникла даже в ближний космос.

– По всем признакам, этот мир относится к допереходным. Основа его устойчивости – цивилизационное и расовое многообразие, обусловленное естественным разнообразием ландшафтов, но при этом системная целостность обеспечивается узами взаимной борьбы – войны и конкуренции. Экономическая структура, если судить по доступным наблюдениям технологиям, говорит о жёстком разделении на классы управляющих и управляемых, а населённые регионы планеты развиты крайне неравномерно, что хорошо видно по расположению основных экономических центров...

Мягкий голос Тайны, историка и антрополога экспедиции, негромко звучал в уютном зале собраний корабля. Над продолговатой панелью с закруглёнными краями, перед которой собрались звездолётчики, висело объёмное изображение планеты – на нём, иллюстрируя слова говорившей, проступили бурые области крупных городов.

– Но это уже единый мир, с доминированием технически наиболее развитой цивилизации, которая скоро исчерпает возможность своей внешней экспансии. Теперь её ждёт встреча с собственной *теневой стороной*, означающая преддверие планетарного эволюционного перехода.

Им предстоит сложное время. Встреча с *теневой стороной* обнажит устрашающую иррациональность внешне рациональной цивилизации. Вместе с психической картиной мира будет меняться физическая, и это приведёт к новым открытиям в овладении энергией. В результате будет стремительно нарастать техническая возможность самоистребления, которую могут уравновесить энергия мечты о лучшем обществе и первые опыты его создания. Космические исследования помогут вернуть вертикаль духа – её когда-то поддерживала теперь ветшающая религия. Прежняя модель развития быстро подойдёт к исчерпанию, и тогда откроется возможность для создания совсем другой, более зрелой и мудрой, *цивилизации цельности*.

Тайна подняла руки к вискам, поправляя прядки тёмных волос, выбившиеся из высокой причёски. Её карие глаза – широко раскрытые и всегда как будто немного удивлённые – обводили товарищей по экипажу:

– Исторически такое состояние очень непродолжительно, и то, что мы его застали, практически невероятно...

Всё это проплывало в памяти Зорина, когда он вёл планетолёт вдоль цепи заснеженных гор. За спиной тихо пели датчики полевых структур планеты. Слева по борту один за другим вставали навстречу горные пики, среди снега и льда грозно чернели их отшлифованные ветрами отвесные скалы. Далеко за хребтом, за покрывалом хмурых облаков угадывался бескрайний океан. Направо горы постепенно понижались и мельчали, сходили на нет к широким, разрезаемым реками равнинам.

Зорин не мог отделаться от ощущения, что уже когда-то видел эти пейзажи. Оно было подобно проблескам молний, которые на мгновение высвечивают предметы окружающего мира и снова погружают их во тьму: на какой-то неуловимый миг вдруг накатывало ощущение зыбкого *пограничья* между явью и сном, когда воспоминания об этих горах были абсолютно ясными, но сама краткость момента не давала удержать их в сознании.

Создавать и удерживать эти состояния, использовать их для физического перемещения в любую точку Вселенной, когда корабль скользит по вневременному тонкому лучу, как по оси анизотропного кристалла между переслоенными структурами пространства... Такое искусство пока что остаётся недоступным для всех известных миров населённого космоса. Обычные же субпространственные полёты по-прежнему требуют накопления огромных энергий, поэтому следующий, подготовленный визит на эту планету возможен нескоро, и лучше, чтобы такую миссию выполнили кеане – их звёздная система отсюда ближе всего. Навигаторы «Звёздного зова» уже проложили маршрут к системе Кеа и теперь только ждут его, Зорина, возвращения на борт.

Сбросив скорость, он летел над населённой долиной. Внизу бежал бурный поток, по берегу петляла дорога. Тут же была проложена новая транспортная линия: две параллельные направляющие – по-видимому, из железоуглеродистого сплава, – по ним на паровой тяге перемещают транспортные составы. Но линия оставалась пустынно: на всём протяжении долины не просматривалось ни одного движущегося дымка. Неуютно там сейчас, под холодными зимними ветрами.

Направо от крошечного посёлка неожиданно раскрылось ущелье, а в его верховьях, стянув к себе линиями напряжения горные хребты, высилась величественная гора, перед которой в почтении расступились окрестные вершины. Зорин мощным рывком направил планетолёт вниз.

Поглотители инерции работали безупречно, позволяя пилоту мгновенно менять скорость и направление. Планетолёт сел на берегу небольшого полузамёрзшего озера, подняв облако снежной пыли. Музыка датчиков умолкла. Зорин открыл входной проём и мягко спрыгнул в неглубокий снег. В лицо дохнуло холодом, белизна снегов заставила сощурить глаза, но в следующий момент он уже с наслаждением вдыхал полной грудью воздух планеты.

В десяти шагах от места посадки стояла приземистая хижина под пологой односкатной кровлей, сложенная из плоского слоистого камня и засыпанная снегом – наверное, летний приют пастухов. От хижины открывался вид на вершину. Низкое зимнее солнце освещало её с противоположной стороны, так что открытые обзору склоны находились в тени и от этого казались абсолютно отвесными. Безмолвие нарушалось лишь далёким свистом ветра. Временами он поднимал то в одном, то в другом месте над горами снежный шлейф, предаваясь каким-то своим играм. Пройдёт немного времени, замкнётся

виток, и эта овеянная древними легендами гора, как зримое выражение вертикали духа, снова привлечёт к себе внимание ищущих.

Что ж, пора – Зорин вернулся в корабль, дал вертикальный старт и молниеносно переместился на вершину. Здесь он открыл выходной проём в режиме градиента атмосферного давления, опустил забрало гермошлема и вышел на покрытый плотным фирном гребень, чтобы, склоняясь под мощными порывами ледяного ветра, установить на узком скальном выступе прозрачную кристаллическую пирамидку с асимметричным четырёхугольным основанием. Моментально сработала решётчатая активация – пирамидка приросла к скале и полностью слилась с её тёмным зернистым фоном. Первый кристалл-излучатель был установлен.

А всего их было три, образующих резонансную конфигурацию: второй предполагалось разместить на гребне высоких гор в центре обширного материка, третий – на острове в океаническом полушарии планеты. По сигналам кристаллов-излучателей должны будут сориентироваться кеане, когда однажды окажутся в этой части Галактики...

По гигантской дуге между двумя материками Зорин мчался к следующей точке. За левым плечом огненный шар солнца стремительно уходил за горизонт, его лучи окрашивали навигационную панель в цвета жидкого золота. Далеко внизу подёрнутый лёгкой дымкой лежал океан – где-то там подводный хребет обозначал линию древней рифтовой зоны, и океанское дно было рассечено частыми разломами. Мелодия датчиков рассыпалась негромким звоном, отмечая это место. На миг закат вспыхнул зелёным лучом, отмечая границу неба и моря, и день погас.

Медленно катилось навстречу звёздное колесо, мерцая непривычными очертаниями созвездий. Правую часть неба пересекала туманная россыпь галактической плоскости, метеоры изредка прошивали чёрный небосклон. За спиной низко над горизонтом сияла яркая звезда – одна из ближних к этой системе, – и планетолёт мчался, подгоняемый её пронзительными белыми лучами, а навстречу неведомую весть несла стремительная птица, прорисованная в небе круто изогнутой дугой из семи звёзд.

Когда он посадил корабль на пологом склоне в одном из отрогов исполинской горной стены, которая охватывала полукольцом узкую долину, звёздная птица уже прошла над головой и теперь чертила крылом по краю закатного горизонта. Близился рассвет. Вверх по склону угадывалось начало подъёма к невидимой отсюда вершине – нагромождение массивных каменных глыб образовывало великанскую лестницу, её неровные исполинские ступени чернели в предрассветном небе. У противоположного края посадочная площадка оканчивалась обрывом, на дне которого шумел поток. Зорин сделал несколько шагов в направлении скальных останцев – их острые зубья поднимались немного в стороне. За ними открывался вид на соседний отрог, на котором отчётливо виднелись угловатые очертания массивных каменных построек. Наверное, обитель отшельников. Постройки лепились по склону в несколько ярусов, две или три из них отличались от остальных характерными шатровыми навершиями с короткими шпильями. Вся композиция оставляла ощущение суровости и аскетизма.

В это время первые солнечные лучи коснулись окрестных вершин, и те, прежде окутанные мгlistым сумраком, вдруг зажглись прозрачным золотым светом. Скользя по ним изумлённым взглядом, Зорин снова пережил момент *пограничья*. Вновь накатило неуловимое ощущение уже виденного в какой-то другой жизни, причём внешне парадоксальным образом ощущение это возникло не из прошлого, а как будто бы из

далёкого будущего. На несколько мгновений он увидел, как над постройками вдали встали призрачные сооружения, похожие на антенны радиообсерватории, а на склоне раскинулись просторные рощи могучих хвойных деревьев.

Видение исчезло. Зорин быстро вернулся к планетолёту и дал старт. Короткая посадка на заоблачном гребне, установка второго кристалла-излучателя, прощальный взгляд на пламенеющую панораму гор над морем облаков и – стремительный взлёт в направлении третьей, последней, точки маршрута.

Горы сменились большой песчаной котловиной, за ней простирались засушливые равнины, пересекаемые невысокими хребтами. Зорин набрал высоту, чтобы увеличить панораму обзора, и в это время внезапной серией коротких аккордов прозвучал сигнал тревоги: в атмосферу планеты входил огромный болид. Небесное тело двигалось со стороны встающего солнца, теряясь в его лучах, и уходило по наклонной траектории за горизонт слева. Зорин запросил расчёт траектории и похолодел от осознания надвигающейся беды: болид врежется в поверхность планеты на ночной стороне в прибрежной густонаселённой части материка.

Сообщить на звездолёт времени не оставалось, всё решали мгновения. Страхнув оцепенение, пилот развернулся наперехват пришельцу и разогнал корабль до предельной скорости. Изображение на экране пылало и колыхалось, напоминая разгневанного лик древнего бога – ревнивого, мстительного и карающего. Добела раскалённый вестник смерти и неуловимый, как фантом, планетолёт мчались курсами на сближение. Перед столкновением Зорин успел включить аварийный телепорт...

Звездолётчики нашли его по третьему кристаллу-излучателю, который оставался в кармане скафандра и был активирован при телепортации. Пилот лежал на берегу величественного озера, обрамлённого лесистыми горами, возле самой кромки прибоя. Дивна первая подбежала к распростёртому на песке телу, опустилась на колени и замерла, приложив тонкие пальцы к точке пульса на открытой шее. Затем обернула к товарищам залитое слезами, но теперь улыбающееся лицо. Жив!

...А почти в тысяче вёрст к северо-западу от этого места пылала заболоченная тайга, зажжённая гигантским воздушным взрывом. Обгорелые стволы, скошенные прокатившейся взрывной волной, лежали сплошными рядами на огромной территории. Только в самом эпицентре деревья приняли удар отвесно – обугленные и лишённые ветвей они продолжали стоять мёртвыми свидетелями катастрофы.

– Здравствуйте, Варвара Александровна! Какое сегодня небо необыкновенное! – Нескладный и всегда немного смешной сосед, из дачников, проходя по улице, приподнял над головой картуз в знак приветствия. – В Питере, говорят, то же самое. Ах, простите, – он понизил голос, – у Вас ребёночек спит, а я расшумелся.

– Здравствуйте, Василий Гаврилыч! – приветливо отозвалась молодая русоволосая женщина в дымчатом платье с серебристой кружевной оторочкой. – Не волнуйтесь, пожалуйста, Ванечка не спит.

Ожидая из столицы мужа, известного в Вырице лесопромышленника и благотворителя, она с двухмесячным сыном на руках стояла возле массивных ворот из тёса. Был поздний вечер, необычайно светлый даже для поры белых ночей. Перламутровая

вуаль серебристых облаков в вышине озаряла землю прохладным замораживающим светом.

Мальш на руках лежал тихо. Счастливая мать заглядывала в его широко распахнутые удивлённые глаза цвета северного неба – сквозь пение ветра в верхушках стройных сосен над красноцветными обрывами Оредежа её сын вслушивался в далёкий звёздный зов.

Опубликовано в журнале «Техника – молодёжи», № 1-2 за 2018 год.